

Глядя вперед

Оглядываясь назад через призму наших сегодняшних представлений, можно сказать, что, пожалуй, 25 лет назад мы были слишком пессимистичны, хотя и сейчас мы не очень-то оптимистичны. Описываемые негативные тенденции характерны не только для США — они отражают угрозы, которые встают перед высшим образованием, интернационализацией и академической свободой во всем мире. Несколько авторов этого выпуска пишут о том, как важно, чтобы высшая школа взяла на себя ведущую роль в достижении Целей устойчивого развития ООН, другие — о проблемах автономии и академической свободы, а также о других вопросах, влияющих на будущее высшего образования во всем мире.

Есть ли единая университетская идентичность?

Акиёси Йонедзава

*Акиёси Йонедзава — профессор, заместитель директора Управления по международной стратегии Университета Тохоку (г. Сендай, Япония).
E-mail: akiyoshi.yonezawa.a4@tohoku.ac.jp.*

У всех университетов в мире, за исключением Университета аль-Азхар, общие корни: все они восходят к средневековым европейским университетам. Как подметил однажды Филип Альтбах, любой вуз, претендующий на звание университета, должен представлять собой автономное сообщество ученых, которое не зависит ни от религиозных властей, ни от светских. К сожалению, все, кто знаком с долгой и многообразной историей мировых университетов, понимают, что идея Альтбаха — всего лишь миф. Многие вузы не раз оказывались в кризисной ситуации из-за посягательств на их академическую свободу и автономию со стороны религиозных или светских властей.

В поисках четкой университетской идентичности

В отдаленных от европейской цивилизации регионах, например в Восточной Азии, современная система высшего образования складывалась, развивалась и преобразовывалась начиная с середины XIX века, и этот процесс шел рука об руку с процессом национального становления. На протяжении всего этого периода красной нитью проходила идея о том, что университет — очевидно западная концепция, но что он

должен опираться на восточную интеллектуальную традицию и идентичность. Когда в 1877 году в Японии был создан первый современный университет, в качестве перевода слова «университет» намеренно было выбрано понятие «дайгаку» (大学) — отсылка к Дайгаку-рё, школе подготовки госслужащих, существовавшей до XII века. В 1898 году китайская династия Цин решила преобразовать существовавший тогда традиционный институт подготовки высокопоставленных чиновников в современный университет, назвав его «да сюэ тан» (大学堂); в 1912 году, сразу после установления Китайской Республики, он был переименован в «Пэкин да сюэ» (北京大学). В 1946 году был основан первый университет Южной Кореи — Сеульский национальный университет, причем слово «университет» было переведено как «дэхаккё» (대학교; 大學校) — с четким указанием на то, что это национальный университет, в противовес упраздненному «Кэйдзё Тэйкоку Дайгаку» — императорскому университету, существовавшему в период японской колониальной оккупации. В XIX веке страны Восточной Азии были в поиске, они воплощали модели университетов, навеянные образовательными системами модернизированных западных национальных государств. Все эти «дайгаку», «да сюэ» и «дэхаккё» по-разному осмыслялись и приобретали разную форму в зависимости от языка и исторического контекста, но все эти слова можно перевести обычным словом «университет».

В последние десятилетия укрепление экономики восточноазиатских стран, ставшее возможным благодаря развитию науки и технологий, заставило государственных лидеров и ученых заняться поисками самоидентификации для своих университетов и систем высшего образования, которая отличала бы их от западных и которая отражала бы сходства и различия, наблюдаемые внутри региона. Эта тенденция только усилилась с вхождением ряда восточноазиатских вузов в топ мировых университетов. К примеру, достижения сингапурских университетов, занимающих высокие места в международных рейтингах, показывают, что действительно можно создать университет мирового класса с ярким национальным колоритом. Однако, несмотря на серьезные преобразования, направленные на децентрализацию системы управления университетами, четкого консенсуса по вопросам академической свободы и университетской автономии пока нет.

Ведущие университеты Китая, благодаря огромным инвестициям и привлечению лучших кадров, готовятся занять главенствующие позиции в региональных рейтингах. Соответственно, стратегии и структура китайских университетов во многом зависят от связей между вузовским и партийным руководством и от системной поддержки, которую правительство оказывает передовым университетам и ведущим научным отраслям. Высшее образование в странах, входящих в зону китайского культурно-экономического влияния

или расположенных недалеко от нее, в той или иной мере испытывает влияние региональных геополитических факторов, в том числе в сфере студенческой и академической мобильности внутри региона и за его пределами, например в сотрудничестве с Африкой.

Приведет ли национализм к кризису университетской идентичности?

В последние годы мировой образовательный ландшафт заметно изменился под влиянием растущего национализма. В странах Восточной Азии, например, укрепляется вера в собственные модели университетов, что в конце концов может привести к заявлениям о том, что «да сюэ» и другие концепции, используемые ведущими восточноазиатскими вузами, отличаются от концепции университета, зародившейся в определенной политической обстановке в условиях средневековой Европы.

История показывает, что наличие спроса на науку, технологии и высококвалифицированные кадры не всегда обеспечивает поддержку университетам как автономным академическим сообществам, — это видно на примере Французской революции, когда университеты были закрыты. Мировое развитие университетов способствует «гонке вооружений» в научной сфере, а наличие тесных связей с властями и с промышленностью приводит к тому, что программы академического обмена и сотрудничества оказываются привязаны к национальным интересам. Даже в Японии, чья конституция гарантирует академическую свободу, были случаи судебных исков, направленных на предотвращение международного сотрудничества с исследователями из определенных стран.

Университетам всего мира пора начать разговор для поиска единого понимания современного университета, которое будет основано на уважительном отношении к разнообразию культур и готовности вместе решать общие задачи глобального и регионального значения.

Даже в Японии, чья конституция гарантирует академическую свободу, были случаи судебных исков, направленных на предотвращение международного сотрудничества с исследователями из определенных стран.

Подобный разговор о современном понимании университета может быть связан с постколониальным дискурсом, но, что важнее, его должны вести готовые к саморефлексии ученые, представляющие самые разные страны и вузы. Университеты всего мира могут прийти к общей самоидентификации, только если в академической среде будет воля к совместной работе над этим вопросом.

.....

Высшее образование в эпоху популизма: общественное благо и гражданская вовлеченность

Эллен Хейзелкорн

Эллен Хейзелкорн — почетный профессор и директор Центра исследований высшего образования (HEPRU) Дублинского технологического института, советник по вопросам образовательной политики консалтинговой организации BH Associates (Ирландия). E-mail: ellen.hazelkorn@dit.ie.

Последние годы оказались для высшего образования периодом горьких разочарований. Референдум о выходе Соединенного Королевства из Европейского союза, победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, смена власти в Венгрии, Польше, Италии, Бразилии — это лишь несколько примеров событий, которые с учетом политических и законодательных изменений в этих и других странах подчеркнули усиление напряженности между высшим образованием и сообществом, в котором оно находится. Вузам, которые раньше всегда с гордостью рассказывали о своей международной работе и о работе на пересечении культур, теперь приходится иметь дело с властями и обществом, выступающими против «иностранцев».

Образование и место проживания, а также расовое/этническое происхождение и гендерная принадлежность — вот основные факторы, определяющие взгляды американских избирателей. Как показывают первые опросы в преддверии выборов 2020 года, основные противоречия наблюдаются между белыми женщинами, имеющими высшее образование, и малообразованными белыми мужчинами. Уровень образования избирателей также сыграл решающую роль во время референдума по Брекситу. А также мобильность, а точнее — ее отсутствие. Люди, которые